

Максим Антонович

**Причины
неудовлетворительного
состояния...**

Максим Алексеевич Антонович
Причины
неудовлетворительного
состояния нашей литературы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826585

Аннотация

«В нашей статье о «Современном состоянии литературы» мы представили общий беглый очерк этого состояния, который резюмируется так: с одной, так сказать, с правой стороны – злорадное торжество литературных реакционеров и квиетистов, а с другой, с левой – небрежное, холодное, даже несколько апатичное отношение к делу. Правая сторона прессы приободрилась и оглашает литературную арену победными кликами, тогда как левая как будто упала духом и присмирела...»

Содержание

Максим Алексеевич Антонович Причины неудовлетворительно состояния нашей литературы

В нашей статье о «Современном состоянии литературы»¹ мы представили общий беглый очерк этого состояния, который резюмируется так: с одной, так сказать, с правой стороны – злорадное торжество литературных реакционеров и квиетистов, а с другой, с левой – небрежное, холодное, даже несколько апатичное отношение к делу. Правая сторона прессы приободрилась и оглашает литературную арену победными кликами, тогда как левая как будто упала духом и присмирела. Левая не останавливает бахвальства своих противников, не противодействует им, не поднимает своего знамени и не идет с ним на войну, чтобы завоевать себе литературное поле и очистить его от сорных, враждебных элементов. Кажется, как будто она не имеет определенных идеалов,

¹ См. «Слово», № 1.

которые бы одушевляли ее, не наметила для себя целей, которые бы привлекали ее, и не чувствует под собой твердой опоры, которая придавала бы ей самоуверенность, мужество и стойкость.

Что же это все значит и отчего все происходит? Значит ли это, что левая сторона литературы действительно пришла в упадок и пришла именно вследствие своего внутреннего бессилия и безжизненности, вследствие отсутствия в ней содержания, способного развиваться и соответствующего с потребностями жизни и времени, или вследствие каких-нибудь случайных, внешних причин? Значит ли это, что квиетисты действительно одержали победу и одержали без всяких внешних, случайных содействующих условий и благоприятных обстоятельств, а единственно своею внутреннею силою и соответственностью своих стремлений с расположениями и потребностями общества? – Эти вопросы уже несколько раз были возбуждаемы в литературе, вызывали споры и получали разнообразные решения. Мы уже отчасти видели, как отвечают на эти вопросы квиетисты. По их мнению, литература не только не пришла в упадок в последнее время, но, напротив, поднялась вверх, улучшилась; то, что, по мнению других, было светлым одушевлением общества и литературы, в их глазах представлялось просто «либеральным расстройством желудка», которое должно было пройти и прошло, благодаря целительной силе природы; все идеалы, принципы и преиспсы, которыми некогда тщеславилась левая сторона прессы,

были напускною дурью, головоломным чадом, который прошел при первом веянии свежего духа здоровой и трезвой, т. е. квиетистической, литературы; общество очнулось от одури, выздоровело от желудочного расстройства и отвернулось от левой прессы, которой поэтому не для кого и не для чего тянуть своей старой песни, а остается только кое-как перебиваться старым хламом и на нем доканчивать свой век.

Другие ответы на поставленные выше вопросы гласят иначе; но, однако, все они сходятся в том, что признают большой или меньший упадок литературы, большее или меньшее понижение уровня ее задач, стремлений и требований, и разногласят только относительно причин этого явления. – Одни говорят, что наша литература хиреет и чахнет оттого, что она не имеет здоровых корней, или, говоря точнее, внедряется своими корнями не в здоровую и тучную почву реальной жизни и действительности, а в искусственное, отвлеченное, безжизненное пространство, в висящую на воздухе почву фантазий, мечтаний, утопий и т. п., оттого что она не имеет живой связи с народом, т. е. с простым народом и именно с тем простым народом, который живет в деревне. Чего же можно ожидать, кроме фантазерства или мертвечины, от подобной кабинетной, книжной литературы, не издавшей и в глаза тех людей, на которых должна быть направляема ее заботливость? – К сожалению, люди, рассуждающие таким образом, не говорят, когда именно литература порвала живую связь с деревенским народом и существовала ли вообще ко-

гда-нибудь подобная связь, так что остается неизвестным, к какому времени относится их упрек, к современной ли только литературе, или вообще ко всей новой и древней русской литературе, с тех самых пор как она начала существовать – с самого появления «Слова о полку Игореве». – Эта мысль о разобщенности между литературой и деревенским народом есть не что иное, как повторение подобной же мысли, выражавшейся некогда знаменитой фразой: «мы оторвались от почвы». В свое время мы подробно занимались в «Современнике» этою мыслью или, лучше, этою фразой, оценили ее значение и разъяснили ее настоящий смысл или, лучше сказать, отсутствие в ней определенного смысла и осязательной мысли, и при этом льстили себя надеждой, что мы окончательно, навеки похоронили эту мысль или фразу; а вот она опять ожила и возродилась из своего праха. Эта мысль, как в первом ее издании – в виде оторвания от почвы, так и во втором – в виде разрыва связи с деревенским народом, находится в родстве с славянофильством, даже просто есть одна из доктрин славянофильства, и потому когда-нибудь мы еще возвратимся к ней, когда нам представится случай говорить о славянофильстве, о народности и о других соприкосновенных с этими сюжетах.

Некоторые приписывают упадок современной литературы, главным образом, впрочем, беллетристики, отсутствию новых литературных теорий. Старые теории, даже сравнительно не очень старые, оказались несостоятельными, поте-

ряли силу, а на смену их не явилось никаких новых. Для восполнения этого недостатка и была предложена новейшая литературная теория, которая, впрочем, гораздо неудовлетворительнее, чем те теории, для замены которых она придумана. Но подробное рассмотрение и этой, не имеющей значения, эфемерной теории мы отлагаем до другого раза.

Наконец, существует еще одно, весьма курьезное объяснение упадка современной литературы, придуманное хотя и не самими квиетистами, но весьма выгодное для них и тоже приводящее к тому заключению, что предшествовавшее последнему времени движение литературы и общества было ненормальным явлением, просто «либеральным расстройством желудка». По этому объяснению, нашу литературу испортил и довел ее до нынешнего плачевного положения не кто другой, как Добролюбов и его литературные друзья. Такое же обвинение, как мы видели в нашей первой статье, взводят на Добролюбова и квиетисты, приписывая его литературной критике упадок беллетристики. По упомянутому объяснению, Белинский возродил русскую литературу, в особенности критику, и поставил ее на настоящую дорогу, так что если бы она и дальше пошла по этой дороге, то мы имели бы и в настоящее время литературу и критику как следует – не в упадке, а на надлежащей высоте. Но Добролюбов и его друзья извратили дело Белинского, забыли идеалы, завещанные им, и сбили литературу с той верной дороги, на которую он ее поставил. Раз сбитая с дороги, литература чем

дальше шла, тем больше заблуждалась, тем дальше забира- лась в непроходимые дебри, исчерпала, растратила все свое содержание, сохранив только пустую форму, и дошла до то- го, что итти дальше уже нет возможности. И вот таким-то образом литература очутилась в том положении, в каком она находится в настоящее время. Первый высказал эту мысль известный наш романист г. Тургенев в то время, когда толь- ко что переменился ветер в направлении нашей литературы, когда людей, бывших преемниками и продолжателями Бе- линского, свергших с пьедестала древних идолов, подобных г. Тургеневу, или не стало, или они умолкли, и когда, следо- вательно, безбоязненно и безнаказанно можно было валить на их голову что угодно. В своих «Воспоминаниях о Белин- ском» он несколько раз сопоставлял его деятельность с де- ятельностью Добролюбова и автора «Эстетических отноше- ний искусства к действительности» и пришел к тому выводу, что деятельность последних была просто профанацией лите- ратуры.²

Ту же мысль, что литературу испортили и довели до упад- ка преемники Белинского, т. е. Добролюбов и его друзья, вы- сказал еще определеннее, решительнее и резче другой уче- ник и друг Белинского, г. Кавелин, в своем известном пись- ме, напечатанном в «Неделе» (1875, № 40). Он рассужда-

² Далее Антонович повторяет те же самые соображения, которые были выска- заны им в статье «Новые материалы для биографии и характеристики Белинско- го» (см. выше, стр. 308–312). Считаю излишним их перепечатывать. В. Е.-М.

ет таким образом. У Белинского был ясный и определенный идеал «нравственной человеческой личности», хотя он никогда не формулировал своих идеалов и «не навязывал их действительности»; основной характер их заключался в нравственном элементе. «Как настроение, идеалы Белинского предоставляли широкий простор личной деятельности каждого, не заключали ее в тесную рамку, столь удобную (?) для нашей умственной лени; напротив, они будили к умственной деятельности, вынуждая искать применение идеала к самым различным обстоятельствам и условиям. Белинский действовал прямо на живую почву и источник всякого идеала – на человеческую, нравственную, духовную личность. Последующие критики относились к действительности совсем иначе. Отжившим формам жизни они противопоставили свои, столь же настойчивые и требовательные, и потому столь же стеснительные (?). Программа была дана, но способы ее выполнения не были указаны. Что же такие идеалы имеют общего с идеалами Белинского? Последние создали школу (?) в литературе и критике, первые привели ту и другую к упадку. И это была не случайность, а логическое последствие неправильной постановки идеалов». Хотя это не очень ясно и неудобовразумительно, однако все-таки видно, что «последующие критики» извратили и испортили идеалы Белинского. В другом месте г. Кавелин выражается гораздо яснее: «После Белинского идеалы у нас сначала переродились, а потом стали более и более удаляться на второй

план; уже с перерождением идеалов, а тем более потом, когда они потускнели, на первый план все сильнее и резче выступало отрицательное направление, которое в последнее время почти исключительно господствовало в нашей литературной критике». И это направление дошло до того, что «забыло, во имя чего отрицает», и наша печать уже не руководит общественным мнением, а только «стереотипирует вальпургиеву ночь, шабаш ведьм, происходящий в наших головах». Понятно, что при таком критическом, безвыходном положении квиетисты являются истинными спасителями литературы, так как они держатся положительного направления, стоят на положительных началах и держатся нравственных идеалов.

Положим, все это верно; и тогда мы естественно приходим к вопросу, где же те ученики Белинского, которые остались неуклонно верными словам и заповедям учителя, которые сохранили в нетронутой чистоте идеалы, завещанные им? Если младобелинковцы, не имевшие личных связей с Белинским, только читавшие его, а не слышавшие его живых, вдохновенных, ничем не стесняемых речей, уклонились от его идеалов, то где же те старобелинковцы, которые не из статей только, но из уст его знали его задушевные цели, пожелания и надежды, где те его непосредственные последователи и преемники, которые не увлеклись скалозубством и смехом Сенковского, а, подобно Белинскому, относились к литературе *in earnest*, где, наконец, та не отрицательная, а

положительная «школа в литературе и критике», которая, по словам г. Кавелина, создалась на основании идеалов Белинского, и где результат ее плодотворной, полагающей и создающей деятельности?

Таким образом, мы теперь знаем, как непосредственные ученики и последователи Белинского, или литературные люди сороковых годов, относились к «последующим критикам», людям пятидесятых годов, и как судили об них. Послушаем же и другую сторону; посмотрим, как Добролюбов представлял себе деятельность Белинского и как смотрел на его личных учеников и преемников. Один из самих же людей сороковых годов, говоря об одном из лучших представителей московского кружка друзей Белинского, утверждал, что большинство членов этого кружка состояло из людей, которые считали совершенно достаточным одно теоретическое или платоническое стремление к хорошим целям и которые чувствовали себя совершенно правыми перед совестью и человечеством, когда они исполняли обязанность:

К пышному обеду
Прибавить мудрую беседу,
Иль в поздней ужина поре
В роскошно убранной палате
Потолковать о бедном брате,
Погорячиться о добре.

Этот отзыв вызвал целую бурю негодующих возражений и

протестов со стороны людей, которые сами некогда принадлежали к этому кружку и которые скоро своею литературною деятельностью доказали, что, по крайней мере, относительно их самих этот отзыв был справедлив. Если же и вообще этот отзыв был справедлив, хотя наполовину, то понятно само собою, как мог относиться к таким людям Добролюбов, горячая, энергическая и деятельная натура которого не понимала и не терпела платонической и сибаритской любви к добру и ближнему.

Покойный Николай Алексеевич Некрасов рассказывал нам, что друзья, ученики и почитатели Белинского, люди сороковых годов, ежегодно устраивали обеды в память Белинского. На одном из этих обедов, в пятидесятых годах, присутствовал и Добролюбов. Вероятно, это и был «пышный обед», на котором, кроме «мудрых бесед», лилось еще что-нибудь и участники которого горячились из-за бедного брата, разгоряченные или воспоминанием о Белинском, или чем-нибудь другим. Словом, этот обед и его участники произвели на Добролюбова такое впечатление, что он в негодовании прибежал домой, излил свое негодование в горячих стихах и немедленно разослал анонимно эти стихи наиболее выдающимся участникам обеда. В числе других это стихотворение получил и Николай Алексеевич и, по его словам, сразу же догадался, кто автор его; да притом Добролюбов не скрывался перед ним и сам признался ему во всем. Николай Алексеевич, конечно, и не подумал обидеться на присланное

ему стихотворение; но другие известные литераторы сильно обиделись и, узнав, что автор стихотворения Добролюбов, ужасно рассердились на него и говорили, что «этот мальчишка сам не понимает Белинского». И с этого времени вообще началось охлаждение между литераторами сороковых годов и Добролюбовым. – У нас есть одно рукописное стихотворение Добролюбова, писанное его собственной рукою и, повидимому, относящееся к случаю о котором рассказывал Николай Алексеевич, хотя утверждать это наверное мы не решаемся. Стихотворение озаглавлено так: «На тост в память Белинского. 6 июня 1858 г.». Вероятно, 6 июня было днем именин Белинского, так как в этот день бывает св. Виссариона; и если обеды в память Белинского устраивались в этот день, то это еще более может подтвердить нашу догадку о происхождении этого стихотворения. Вот часть этого стихотворения:

И мертвый жив он между нами
И – плачет горькими слезами
О поколеньи молодом,
Святую веру потерявшем,
Холодном, черством и немом,
Перед борьбой позорно павшем...
Он грозно шел на грозный бой
С самоотверженной душой.
Он, под огнем врагов опасных,
Для нас дорогу пролагал

И в Лету груды самовластных
Авторитетов побросал.
Исполнен прямоты и силы,
Бесстрашно шел он до могилы
Стезеею правды и добра.
В его нещадном отрицаньи
Виднелась новая пора,
Пора действительного знания.
И, умирая, думал он,
Что путь его уже свершен,
Что молодые поколенья,
По им открытому пути,
Пойдут без страха и сомненья,
Чтоб к цели, наконец, прийти.
Но молодые поколенья, —
Полны и страха и сомненья, —
Там, где он пал, на месте том
В смущеньи рабском суетятся
И им проложенным путем
Умеют только любоваться.
Не раз я в честь его бокал
На пьяном пире поднимал
И думал: «Только! только этим
Мы можем помянуть его!
Лишь пошлым тостом мы ответим
На мысли светлые его!..» —
и т. д.

Из этого стихотворения видно, что, по крайней мере, к Бе-

линскому и его деятельности Добролюбов не относился с зубоскальством; если же он и позволял себе зубоскальствовать над теми из учеников и друзей Белинского и вообще литераторов сороковых годов, которые «умели только любоваться проложенным им путем», то в этом еще нет большой беды. В самом деле, что сделали эти литераторы, не свихнувшиеся вслед за Добролюбовым с пути, указанного Белинским, чем заявила себя эта школа, основанная на его нравственных идеалах и не зараженная отрицанием? До чего довели Н. Павлова и г. Каткова положительные идеалы Белинского, – это всем известно и даже, вероятно, сами старобелинковцы затруднились бы сказать, кто сильнее испортил эти идеалы – Добролюбов или эти литераторы. Сам г. Тургенев, этот прежде гуманнейший писатель, держась положительности Белинского и не соблазняясь отрицательностью Добролюбова, превратился, наконец, в беллетристического черкеса, бьющего лежачих, не им поваленных, и добивающего раненых, получивших раны не от него. У г. Кавелина идеалы Белинского выродились в философию, которая ниже гегелизма и контизма, отвергнутых Белинским, и которая в сущности мало разнится от философии, так возмущившей Белинского в Гоголе. Наконец, мы уже ничего не будем говорить о целой плеяде, состоявшей из Боткина, Григоровича, Гончарова, Дружинина, Дудышкина и проч. и тоже нимало не зараженной отрицательным ядом Добролюбова с товарищами. Если бы Белинский воскрес и ему представили эту

плядду как его школу, то он едва ли признал бы ее своею. Николай Алексеевич Некрасов стоял очень близко к Белинскому в последний период его деятельности и, конечно, мог хорошо знать и понимать его идеи. Так же точно он видел и понимал то, что идеи Добролюбова с товарищами составляют не извращение, а дальнейшее развитие идей Белинского. Конечно, только вследствие этого он мог отдать свой журнал Добролюбову с товарищами и сам работать в одном духе с ними. Что они проводили в своих статьях, то он пел в своих стихотворениях; за кого они вступались прозою, за тех он вступался в стихах; и им, и ему были дороги все страждущие, обремененные, обездоленные, оскорбленные и униженные; он рисовал картину страданий мужика, строившего железные дороги и качавшего на руках благодетеля-подрядчика, а они клеймили железнодорожных строителей, производивших опыты отучения своих рабочих от пищи и т. д.

Мы не будем много толковать о том, что Добролюбов и его литературные друзья и не думали изменять или извращать идеалов Белинского и что они вообще ни душою, ни телом неповинны в упадке нынешней литературы и в разложении современной критики, во всем том, в чем их обвиняют гг. Тургенев, Кавелин и квиетисты. Мы не считаем нужным доказывать, что Добролюбов с товарищами были настоящими преемниками и продолжателями Белинского, что они начали как раз с того, на чем он остановился. Последним словом Белинского были, как известно, общественные, политические

и экономические вопросы, последнюю его целью было развитие в обществе, подлежащем действию литературы, не эстетических, а гражданских чувств и последнюю его заботой была забота не об эстетических вкусах общества, занимавшая его прежде, а о «нравах» этого и всего общества. Эта кульминационная точка в развитии идеалов и идей Белинского была начальной, исходной точкою для младобелинковцев. Они расширили идеалы Белинского, сообщили им большую определенность и, несмотря на то, что сами были, по словам г. Кавелина, крайними и узкими идеалистами, сопоставляли идеалы с действительностью, применяли их к жизни и на основании идеалов давали самые положительные ответы на практические вопросы. Все это известно всем, должно быть известно гг. Тургеневу и Кавелину, а особенно последнему, который должен был помнить, как широко, положительно и практично относились эти крайние, узкие и отрицательные идеалисты хоть, например, к вопросу о крестьянской реформе. — Словом, они действовали совершенно в духе Белинского, и деятельность их приносила свои плоды и приносит их еще и теперь. Идеалы и идеи их живут и теперь в некоторой части общества; не совсем исчезли они и из литературы. Но только в литературе эти идеалы и идеи не имеют таких богато одаренных, энергических, одушевленных и самоотверженных представителей и выразителей их, какими были Добролюбов с товарищами; а наличные представители не отличаются даже должным усердием и стойкостью в сво-

ей деятельности, относятся к своему делу, как мы сказали, небрежно, спустя рукава, с холодностью, доходящею до апатии, и все свои лучшие качества, весь жар и пафос тратят на преследование не главной цели, а целей посторонних, случайных, не относящихся к делу.

Таким образом, Добролюбов и его друзья неповинны в нынешнем упадке литературы, который совершился не вследствие их идей, но помимо этих идей и вопреки им. Этот упадок происходил от других причин и был действительно случайностью, а никак не «логическим последствием неправильной постановки идеалов», как уверяет г. Кавелин. Почтенный философ впал здесь в ошибку известного ложного умозаключения: *post hoc, ergo propter hoc*; упадок совершился после Добролюбова, следовательно, по причине и по вине Добролюбова. Столь же нефилософично, скажут, объяснять что-нибудь случайностью в таком строго логическом и последовательном деле, как ход развития литературы. – Да, но что же делать, когда это единственно возможное и верное объяснение; и притом эта случайность, с известной точки зрения, вовсе не случайность. Вообще в истории нашей литературы играют большую роль подобные случайности и внешние, благоприятные или неблагоприятные обстоятельства. Конечно, если рассматривать эту историю в общем и целом, так сказать, с макроскопической точки, то ход ее представится правильным и логическим, не зависимым от случайностей и мало зависимым от внешних обстоя-

ятельств. Но при микроскопическом рассматривании истории, при разборе отдельных моментов оказывается, что для данного момента имели большое влияние разные случайности и внешние обстоятельства, что они хоть на время, именно на этот момент, поворачивали ход истории по-своему, так что по прошествии этого момента он опять шел своим порядком. При таком взгляде, история нашей литературы представляет как бы ряд вспышек, во время которых литература ярко вспыхивала и несколько времени ярко горела, потом снова меркла и потухала, хотя, конечно, во время каждой последующей вспышки она вспыхивала сильнее и горела ярче, чем во время предыдущей.

Известно, например, как ярко вспыхнула наша литература в конце прошлого столетия и какое влияние имели на эту вспышку случайности и благоприятные обстоятельства, по изменении которых вспышка кончилась и яркость померкла. Такая же вспышка была и в начале нынешнего столетия, тоже вследствие благоприятных обстоятельств, но и в этот раз литература блистала не долго и к концу первой четверти столетия заметно померкла. Затем снова начались проблески в литературе, завершившиеся появлением Гоголя и публициста Белинского. Но потом без всякой причинной связи с идеями Белинского, а совершенно случайно и благодаря внешним неблагоприятным обстоятельствам, литература снова пришла в упадок и в такое жалкое положение, что его нельзя и сравнивать с нынешним положением литературы. И

это было как раз после Белинского, при его непосредственных учениках, друзьях и преемниках, которые не были заражены «узким идеализмом» и «крайним отрицанием» Добролюбова. Мы уверены, что сам г. Кавелин признает этот упадок случайностью, а не «логическим последствием» идей Белинского. В течение этого времени идеи Белинского оставались мертвым, непроизводительным капиталом в литературе, были светильником, который спрятан был под спудом и никого не освещал; даже самое имя его оставалось под спудом. За этим упадком скоро последовала новая вспышка и новое возрождение литературы, опять-таки благодаря случайности и благоприятным обстоятельствам.

Таковыми обстоятельствами считаются обыкновенно крымская война и ее последствия, которые поэтому и признаются эрой нашего возрождения. Но это мнение не совсем верно, или, по крайней мере, неточно. Кроме войны были и другие благоприятные обстоятельства и притом обстоятельства более случайные. – Друзья Добролюбова и он сам с жаром принялись за дело.

Первым словом возрожденной литературы была мысль о Белинском, напоминание о его заслугах, оценка его деятельности, извлечение его из-под спуда и употребление в дело капитала его идей и идеалов. Это было сделано в замечательных для своего времени статьях «Очерки гоголевского периода русской литературы». Медовые годы возрождения нашей литературы, вероятно, памятливы многим, и потому мы

не будем распространяться о них. Это время переполнило все сердца радостью, восторгом и самыми радужными надеждами; все были уверены, что для литературы настал золотой век, который продолжится неизменно во веки веков. Тогда-то и выработалась колоссально хвастливая фраза: «в настоящее время, когда...», представлявшая это время раем на земле, осуществлением всяких идеалов, исполнением всяких надежд. Но Добролюбов и его друзья не очень увлекались этим временем, не разделяли общих восторгов, старались даже охлаждать их и развивать трезвое отношение к делу; они сдерживали преувеличенную уверенность, преувеличенные ожидания и надежды, старались втолковать увлекающимся, что еще не время торжествовать победу, предаваться успокоению и законному после каждого успеха отдыху, что дело далеко еще не кончено, что оно только начинается, что требуется еще много и много усиленного труда и трудной борьбы, чтобы наступило настоящее желанное время; что то, что досталось легко, без борьбы, случайно, только благодаря благоприятным обстоятельствам, так же легко может быть и потеряно при неблагоприятных случайных обстоятельствах и не вызовет борьбы для его сохранения. Они понимали, что восторжавшее всех возрождение литературы и общества есть в значительной степени такая же вспышка, какие бывали и прежде, есть подогретое увлечение, которое при первом же более или менее суровом испытании охладает и даже перейдет в противоположное чувство. Они

точно предчувствовали или, лучше, предугадывали, что эта вспышка не разгорится в постоянный яркий огонь, а более или менее померкнет. В этом именно смысле Добролюбов напоминал увлекающимся людям о блестящей эпохе литературы в екатерининский век. Но это трезвое, охлаждающее, даже почти скептическое отношение Добролюбова и его друзей к литературному оживлению нимало не ослабляло и не охлаждало их собственной энергии и деятельности, а, напротив, доводило ее до лихорадочной спешности и не знавшей отдыха торопливости; они торопились ковать железо, пока оно горячо, спешили воспользоваться временем вспышки и сделать хоть что-нибудь прочное, пока она не прошла, посадить хоть несколько семян, которые могли бы прорасти и в неблагоприятные времена, когда теплота одушевления пропадет.

И действительно, их предчувствия, опасения и предсказания сбылись; свет вспышки понемногу стал меркнуть, наступили неблагоприятные обстоятельства, ветер подул в другую сторону, хлынула волна, смывшая и их самих, одушевление пропало и выродилось в холодность и апатию, а иногда перешло в одушевление в противоположном направлении. Литература вместо того, чтобы бороться с неблагоприятными обстоятельствами, беспрекословно подчинилась им; заботы об идеалах были оставлены, и на место их выступили заботы о более насущных вещах. Квиетисты не преминули воспользоваться счастливым для них положением дел, гордо подня-

ли голову и стали уверять, – может быть, искренно, а, может быть, и лицемерно, – что все это дело их рук, что они одержали победу своею внутреннею силою, благодаря не случайностям и не обстоятельствам, а единственно бессилию противников, внутреннему их упадку, нравственному разложению, что образумившееся общество пошло за ними, разглядев ту бездну, в которую вели его прежние его руководители, и т. д. Словом, постепенно наступило то положение вещей, какое мы видим в настоящее время, когда... следовало бы говорить почти противоположное тому, что говорилось при этой фразе во время Добролюбова, когда отрицание не то что не знает, во имя чего отрицать, а просто стушевывается, прекращает или суживает свою деятельность. – Винить за все это критику Добролюбова и его со-критиков совершенно несправедливо и даже, по нашему мнению, жестоко. Это все равно, как если бы кто-нибудь стал ставить в вину Белинскому последовавший непосредственно за его деятельностью временный упадок литературы.

Дело в том, что деятельность Добролюбова и его друзей осталась незаконченною, что нить этой деятельности не была доведена до конца, а была внезапно оборвана и концы ее остались несвязанными, благодаря случайностям и неблагоприятным обстоятельствам. Не будь этих случайностей, положение квиетистов было бы совершенно другое, и они едва бы имели случай похвастаться своими победами и торжеством своих идей. Квиетисты вели борьбу со своими против-

никами очень неравным оружием: внешние случайности и обстоятельства все были на их стороне и в такой же степени парализовали их противников. Победа при таких условиях не очень лестна, и хвалиться ею не стоит, даже если бы она была и настоящей победой, чего далеко еще нельзя сказать. Поэтому идеи Добролюбова и его литературных товарищей не могли развиваться в литературе естественно, непринужденно, логически, не могли совершить полного цикла своего развития, дойти до последних результатов, дать последние выводы и исчерпать все свое содержание. Роман их идей, если можно так выразиться, оборвался на половине и не дошел еще до развязки; эволюция их еще не свершилась вся. Поэтому еще преждевременно, по нашему мнению, судить о последних результатах и о законченных логических и даже практических выводах из них, как было бы преждевременно и неверно считать результатом идей Белинского непосредственно следовавшее за ним литературное движение или, точнее говоря, литературную неподвижность и судить о логических выводах из них раньше следовавшего затем литературного возрождения.

Наглядным доказательством того, что Добролюбов с товарищами неповинен в нынешнем положении литературы и вообще в ходе нынешних дел, служит то, что Добролюбов предусматривал это положение как нечто нежелательное, предполагал возможность его наступления и, с своей стороны, старался противодействовать ей, постоянно напо-

минал о ней, чтобы расшевелить опочивание на лаврах, чтобы возбуждать предусмотрительность и энергию, чтобы готовить стойкость на случай дурного оборота дел, чтобы уяснить условия, могущие предупредить или нейтрализовать такой оборот. Когда он лил холодную воду на тогдашние горячие восторги и надежды, когда он относился скептически и даже с насмешкой к тогдашним любимым идеалам и вопросам, издевался над такими высокими предметами, как гласность, железные дороги и пароходы, акционерные промышленные и кредитные учреждения, суды, адвокатура, магистратура, усовершенствованная полиция и полиция вне полиции, тогда люди недогадливые могли ошибаться насчет внутреннего смысла и цели его смеха; недоумение было понятно и хоть до некоторой степени извинительно. На самые горячие статьи, на самые серьезные предложения реформ и нововведений Добролюбов отвечал смехом и пародией. Вот, например, в «Русском Вестнике» явилась тогда статейка, сущность которой заключалась в следующем:

«В стране, где устраивают железные дороги и пароходное движение, где поощряется устройство и развитие всяких промышленных предприятий, где сняты с народа оковы, препятствующие его свободному труду, где возвышают уровень народного воспитания, где вызывают к деятельности и движению все живые силы; в стране, которая громко просится на полезный и свободный труд, — можно ли еще сомневаться, что в такой стране необходима

адвокатура, как неременная часть преобразованного судопроизводства, как вернейшее средство в одно и то же время обеспечить правильность и быстроту суда и открыть народной деятельности новый источник к умножению частного богатства, к полезному занятию множества юных сил?»

Как же Добролюбов отнесся к этому вопросу об адвокатуре? А с обыкновенным своим зубоскальством и пародией: приведенный отрывок из статьи он переложил в следующие стихи.

Pia Desideria

Там, где строят дороги железные,
Пароходство растет каждый час,
Предприятия заводят полезные,
Поощряют промышленный класс;
Где оковы с народа снимаются,
Где свободный рождается труд,
Воспитание где возвышается,
К делу, к жизни все силы зовут;
Где повсюду заметно стремление
На свободный, полезный всем труд:
Допустить там возможно ль сомнение,
Что полезен и праведный суд
С непременною адвокатурою,
Как надежнейшим средством – суду
С переделанной магистратурою
Дать и правильность и быстроту,
И труду в то же время народному
Вновь обильный источник открыть
Юных сил к упражнению доходному
И к возможности деньги скопить!..

Так же относился он и к другим вопросам, со смехом и иронией. Например, все тогда увлекались, бредили железными дорогами; а он и над ними смеялся, разрушал иллюзии

на их счет и уверял, что эти дороги не изменят исконного, закоренелого русского духа, а скорее этот дух проникнет в эти дороги и осилит их. Вот чисто пророческое стихотворение Добролюбова о наших железных дорогах:

В прусском вагоне

По чугунным рельсам
Едет поезд длинный;
Не свернет ни разу
С колеи рутинной.
Часом в час рассчитан
Путь его помятно...
Воля моя, воля!
Как ты здесь бессильна!
То ли дело с тройкой!
Мчусь, куда хочу я,
Без нужды, без цели
Землю полосую.
Не хочу я прямо —
Забирай налево,
По лугам направо,
Взад через посевы...
Но, увы! – уж скоро
Мертвая машина
Стянет и раздолье
Руси-исполина.
Сыплют иностранцы
Русские мильоны,
Чтобы русской воле
Положить препоны.
Но не поддадимся

Мы слепой рутине:
Мы дадим дух жизни
И самой машине.
Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий:
То соскочит с рельсов
С силой молодецкой;
То обвалит насыпь,
То мосток продавит,
То на встречный поезд
Ухарски направит.
То пойдет потише,
Опоздают вволю,
За мятелью станет
Сутки трои в поле.
А иной раз просто
Часика четыре
Подождет особу
Сильную в сем мире.
Да, я верю твердо:
Мертвая машина
Произвол не свяжет
Руси-исполина,
Верю: все машины
С русской природой
Сами оживятся
Духом и свободой.

Может быть, и действительно в то время некоторые не

могли понять этого смеха и предавались тем недоумениям, о которых говорит г. Тургенев: «человек свистит, хохочет... поди, угадывай, разумеи его речь, куда он ее гнет? быть может, он смеется над тем, что точно достойно смеха, а может быть, и над собственным смехом зубы скалит». Но теперь дело разъяснилось начистоту, и подобные недоумения уже невозможны. В настоящее время мы имеем уже то, о чем мечтала, чего жаждала литература возрождения. У нас столько железных дорог, что многим из них даже нечего возить, хотя другие не успевают перевозить того, что есть; промышленных и акционерных предприятий возникло столько, что многие из них должны были закрыться за ненадобностью; кредит получил широчайшее развитие: банков, банкирских контор и ссудных касс даже больше, чем сколько нужно; гласность осталась такою же, какою была во время возрождения; взятки истреблены до того, что самые слова взяточник и взяточничество вышли из употребления и перешли в разряд архаизмов; возникло земское *selfgouvernement*; явились суды, магистратура и, наконец, столь желанная адвокатура, этот «источник к умножению частного богатства» и «к возможности деньги скопить». И однакоже, несмотря на все это, дела наши вообще немного подвинулись вперед; никто не чувствует себя удовлетворенным, все недовольны, жалуются, кряхтят; все перечисленные прекрасные вещи возбуждают уже не восторг, даже не иронию и насмешки, как у Добролюбова, а досаду и негодование, как предметы разоча-

рования, как напоминания об обманутых надеждах. Словом, опасения и предсказания Добролюбова и его друзей сбылись и оправдались блистательно. Если бы теперь явился Добролюбов, то с каким авторитетом, с каким торжествующим видом он мог бы обратиться к своим противникам и порицателям и сказать им: «Ну, что, господа, вот вы получили все, чего желали, довольна теперь ваша душенька? вот то-то же и есть; ведь я же вас тогда предупреждал, я же вам говорил, что вы восторгаетесь подробностями, увлекаетесь „мелочами“ и из-за этого упускаете из виду суть дела, что ваши идеалы отрывочны и слишком узки» т. д. Да теперь, вероятно, и сам г. Тургенев понимает смысл смеха Добролюбова и, вероятно, не откажется отдать справедливость проницательности и воззрениям людей, которые предугадали события на основании априористической исторической мысли, что в жизни ничего не дается легко, не делается само собою и по щучьему повелению, не приобретается фразами и самодовольной болтовней и что только «коренью основание крепко», по старомосковскому изречению.

Таким образом, повторяем, Добролюбов и его друзья не только неповинны в нынешнем положении литературы, но оно оправдало их и вместе с состоянием всего общества показывает верность их идей и идеалов, которые не только не потеряли значения для настоящего времени, но теперь еще более, чем когда-нибудь, уместны и своевременны, которые и до сих пор живут, но только не имеют надлежащего пред-

ставительства. Мы сказали, что нить развития этих идей была порвана и не нашлось литературных сил, способных связать концы разорванной нити. И этот недостаток умственных сил ощущается у нас не в одной только литературе, но и во всех сферах и отраслях деятельности, где требуются умственные силы; а трудно сказать, где они не требуются. Если где-нибудь, то именно у нас необходима самая нежная, самая внимательная и самая осмотрительная заботливость об умственных силах; эти силы следовало бы беречь, холить, хранить как зеницу ока, дорожить ими больше всего и ревниво стараться о том, чтобы ни одна крупинка таких сил не погибла, не заглохла, не пропала даром. А между тем именно у нас существует такая небрежность, такое пренебрежение к умственным силам, какие трудно найти еще где-нибудь; мы бражничаем этими силами, бьем, ломаем, швыряем и разбрасываем их, как расходившийся пьяный купчик бьет и ломает самые полезные вещи и предметы. Умственными силами мы дорожим менее всего; нет такой вещи, ради которой мы бы не пожертвовали ими; но для них мы не жертвуем ничем, ни самолюбием, ни материальными выгодами и расчетами, ни вздорными опасениями, ни пустыми предрассудками. Умственная сила не только не пользуется почетом, предпочтением, покровительством, справедливыми прерогативами, но даже не дает права на снисходительность, не считается смягчающим обстоятельством. Самые драгоценные качества ума, оригинальность, своеобраз-

ность, стойкость, верность убеждению, не только не ценятся, но даже считаются недостатком, сумасбродством, пороком, даже преступлением; и, напротив, имеют самую большую цену качества, ничего не стоящие, податливость, бесхарактерная уступчивость, неразборчивая сговорчивость и просто угодливость, вообще все качества, на основании которых говорят про человека, что он воды не замутит. У нас гораздо чаще, чем где-нибудь, повторяется то общечеловеческое явление, что буря ломает только могучие дубы и не трогает гибких тростников. Мы весьма редко придерживаемся правила «пей, да дело разумей» и гораздо чаще требуем от людей, чтобы они и дела не разумели, «драли», да только не предавались бы ничему хмельному, горячительному и возбуждающему и вели бы себя благонаравно. Выражаясь школьным языком, мы скорее извиним недостаточность успехов при хорошем поведении, чем неудовлетворительное поведение при хороших успехах, причем поведение понимается весьма своеобразно. – Поэтому, в то время как люди с поведением благополучно и счастливо совершают все свое поприще, люди с успехами и пылким умом обрываются, срываются и проваливаются. Такое нерасположение и пренебрежение к самостоятельным умственным силам до того распространено, до того сильно въелось в нравы, что от него не бывают свободны даже частные, интимные кружки. Уже давно высказана была в печати такая мысль: «У нас любят поговорить о крепких убеждениях, об упорности стремле-

ний, но, быть может, меньше, чем где-либо, ладят с людьми таких убеждений и стремлений. Сильное убеждение не знает сделок; твердо идущий к цели не извинит слабости и бесхарактерности ни себе, ни другим. Всякий, какого бы то ни было цвета, кружок состоит большею частью из людей средней руки в умственном и в нравственном отношении. Обличение слабостей большинства не может ему нравиться. Потому людей, жизнь которых является постоянным укором в бесхарактерности для других, не жалуют даже в собственном их кружке». При таком общераспространенном, всеупотребительном и глубоко укоренившемся режиме или третировании умственных сил понятно само собою, сколько их должно тратиться напрасно, пропадать, гибнуть,глохнуть, увядать, не достигать зрелости, не приносить плодов, и сколько в числе их бывает таких, которые одарены качествами, необходимыми для одушевленного, сильного и преданного делу литературного деятеля и которые составили бы украшение литературы или науки. По крайней мере, из истории других стран мы знаем примеры, что иногда, только благодаря счастливым случайностям, успевали сохраниться среди неблагоприятных обстоятельств такие умственные силы, которые впоследствии были благодеянием своей страны и украшением ее.

Итак, без того уже мал тот общий запас умственных сил, из которого литература может пополнять свои ресурсы, а тут еще в том же направлении действует одно прискорбное об-

стоятельство, отвлекающее от литературы и наличные умственные силы. Некоторые, а может быть, даже и многие, относятся к литературе с пренебрежением, пожалуй, даже с презрением, как к деятельности совершенно бесплодной, ни к чему не ведущей, как к толчению воды и переливанию из пустого в порожнее, и думают, что в самом лучшем случае литература служит у нас только для забавы, потехи и развлечения людей, не знающих, как убить и чем занять время, остающееся свободным от их настоящих серьезных дел, и что обречь себя на такую профессию не согласится ни один серьезный человек, который желает делать хоть какое-нибудь, но действительное дело, кого-нибудь научить хоть чему-нибудь, кого-нибудь убедить хоть в чем-нибудь и которого больше занимают люди, нуждающиеся не в развлечениях и забавах, а в чем-нибудь более существенном, и что для достижения этих целей можно найти средства и отрасли деятельности, более скорые и верные, более почтенные и действительные, чем литература.

К сожалению, этот взгляд встречается в таких сферах, которые могли бы давать самый подходящий контингент для пополнения литературных рядов и самые требования которых от литературы, очень строгие и серьезные, уже ручаются за то, что этот контингент относился бы к литературному делу так, как это особенно было бы желательно и как это у нас бывает особенно редко. Надо сознаться с прискорбием, что в этом пренебрежительном взгляде на литературу есть

доля правды, но только доля – и что обстановка нашей литературы вполне способна довести до такого безотрадного, отчаянного взгляда. Но все-таки в сущности он несправедлив. Отрицать литературу вообще, как одно из средств воздействия на умы, как одно из орудий общественного воспитания при нормальных условиях и идеальной обстановке, никто не станет, – это невозможно. Насколько наши литературные условия и обстановка далеки от идеальных и нормальных, настолько меньше и полезное действие нашей литературы, но все-таки оно есть и выражается дробью, хотя и маленькой, а не нулем. Но зато литература имеет у нас еще специальное значение, не существующее в странах политически развитых. Она представляет собою единственное общественное проявление или выражение, единственный орган, посредством которого может говорить общество и выражать свои мысли, чувства и желания. Каково это проявление – это другой вопрос, относительно которого люди, понимающие дело, не могут питать никаких иллюзий; но, помимо всяких иллюзий и при всевозможных оговорках, это проявление все-таки есть кое-что, есть хоть маленькая дробь, которую нельзя пренебрегать, которая стоит труда, и если не имеет большого положительного значения, то может иметь значительное отрицательное значение. – Так как она есть единственное общественное проявление, то по этому самому она представляет почти единственную школу или единственное учебное пособие для общественного воспитания.

Те вещи, с которыми в политически развитых странах человек встречается или может встретиться во многих местах, узнать о них из разных источников и услышать с разных сторон, у нас могут быть встречены только в литературе, и если они не проникнут в литературу, то о них никто никогда не узнает.

Далее, наша литература совершала и совершает великие заслуги тем, что проводит хоть слабые лучи света в области мрачные, замурованные и герметически закупоренные. Вообразите себе людей, которые постоянно вращаются в одной какой-нибудь среде, живут в известной атмосфере идей, понятий, обычаев, предрассудков, видят вокруг себя одно и то же, один порядок явлений, один определенный строй отношений, один известный уровень и склад нравственных понятий и требований, одни и те же цели, один образ и характер деятельности. Никогда эти люди не могут вырваться из своей заколдованной среды, и к ним не может прорваться ничто постороннее, свежее, новое. Ограниченность кругозора этих людей доходит до того, что они весь свет воображают тождественным с их средой, считают все существующее в ней общечеловеческим, непреложным, неизменным, чем-то роковым, неизбежным, законом природы. Положение таких людей похоже на положение строго закрытого учебного заведения, ревниво охраняющего своих питомцев от всего находящегося за стенами его, или на положение народа, не имеющего никаких сношений с иностранцами и потому воображаю-

щего, что все народы живут так же, как он, что иначе и невозможно жить, что других отношений между людьми не может быть. В таком приблизительно положении находилось и находится наше общество и разные слои и отделы его. – При подобном ограниченном кругозоре, при подобной изолированности и замкнутости только особенно сильные умы могут без всякого внешнего воздействия и возбуждения и без всякой посторонней помощи возвыситься над своей сферой, отнестись к ней критически и скептически, понять ненормальность и уродливость существующих в ней отношений и представить себе, чтобы они были иные и в каком именно роде иные; на это способны особенно самодеятельные и глубокие натуры, а натуры средние обыкновенно нуждаются в толчке и возбуждении извне. – Великая заслуга нашей литературы и состояла в том, что она прокрадывалась с своим светом во всякого рода подобные закупоренные сферы, говорила им об ином мире, об иных мирах и людях, давала этот первый толчок к скептицизму и критике, прямыми указаниями, более или менее ясными намеками, картинами или аллегориями давала понять, что в заколдованном, замкнутом кругу окружающей действительности не все есть так, как ему следовало бы быть, и что можно было бы желать лучшего. Эту задачу она выполняла стихами и прозой, баснями и комедиями, романами и повестями, критиками и статьями, серьезными исследованиями и беглыми шутивными заметками. – Пусть те, которые относятся с пренебрежением к литературной де-

тельности за ее ничтожное действие, припомнят в подробностях процесс и историю своего собственного умственного развития. Они увидят, что сами они явились на свет и некоторое время существовали в нем не во всеоружии критики, анализа и скепсиса, а тоже, вероятно, в рутине господствующих традиционных взглядов и понятий, в духе окружающей среды, и что потом уже в них совершился более или менее быстрый перелом и началась дальнейшая работа более самостоятельная, в новом, свежем духе и в более обширных рамках, и в конце концов и они должны будут признать, что как в этом переломе, так и в этой работе – доля влияния, и, может быть, даже довольно значительная, принадлежала и литературе. Как нам кажется, нельзя считать бесплодную и потерянную ту деятельность, которая хотя отчасти содействует таким переломам и работам.

Наконец, если люди добросовестные и относящиеся к литературе с строгими требованиями будут чуждаться ее и отстраняться от нее, то ведь литературная арена не останется свободною, пустою; найдется много охотников с более спокойною совестью, с меньшею скрупулезностью и совестью, с более скромными и более своеобразными требованиями, они завладеют ареной и превратят ее во что могут, во что им будет угодно – что уже и делается. Люди непризванные, преследующие цели нелитературные, составляют такое зло в литературе, противодействие которому есть одна из настоятельнейших потребностей и с которым бороться тем

труднее, чем больше оно обжилось и освоилось с литературной ареной. Эти люди не сидят сложа руки, но пользуются своим положением, стараются обеспечить и упрочить его, влекут публику к себе, проповедуют ей свои понятия, развивают в ней свои собственные вкусы и переливают в нее свои расположения и желания. Скажут, что сети их не хитры, паутина слаба, соблазны не опасны; они едва ли кого могут поймать и увлечь; всякий видит их несостоятельность; поэтому нет надобности оказывать им честь борьбою с ними, противодействием им и охранением читателей от их губительного влияния. Все это слишком розовые и слишком поверхностные взгляды, и эта идеализация читателей преувеличена. Спору нет, есть и у нас читатели солидные, стойкие и самостоятельные, которые не запутаются ни в какие сети, разорвут всякую паутину и которых ничто не собьет с дороги. Но много ли у нас подобных читателей? таково ли большинство их? такова ли хоть половина их? Возможно даже и стойкого человека сбить с места или хоть пошатнуть, если непрерывно и безостановочно, всегда, везде и со всех сторон жужжать, петь, кричать и долбить одно и то же и не давать ему возможности освежиться чем-нибудь другим, противоположным. Эти постоянные, неотвязчивые впечатления и на него, наконец, могут произвести известное впечатление и сообщить его мыслям, даже помимо его воли и без его ведома, известный оттенок. А про людей нестойких, «шатких» и говорить нечего. Мы видим действительно, что лю-

ди без знаний и убеждений, без всякого сознания важности и призвания литературы, без всяких литературных целей и задач, но только обладающие бойкостью, смелостью, некоторым нахальством, острым нюхом относительно вкусов и слабых струнок публики и умением подделаться под эти вкусы и поиграть на этих струнках, – увлекают за собою толпы, целые полусотни тысяч читателей, становятся учителями и оракулами их, настраивают их как угодно и вследствие этого приобретают еще больше самоуверенности и наглости, и таким образом являются силой, с которой нужно считаться, нужно бороться и бороться именно людям, отличающимся строгим, ригористическим отношением к литературе, а не тем снисходительным, податливым бойцам, которые более проникнуты тою мыслью, что все мы люди, все человеки, что не из-за всего же нужно поднимать шум и приходить в азарт, что на многое можно махнуть рукой и пройти мимо, не стоит, мол, связываться и т. д. – По всем этим соображениям было бы весьма желательно, чтобы свежие умственные силы, успевающие счастливо уцелеть и достигнуть надлежащего развития, не отстранялись от литературы, где им всегда может представиться множество случаев если не для полезного действия, то для полезного противодействия, если не для содействия движению вперед, то для воспрепятствования движению назад.

Положим, однако, умственные силы нашлись, и у них есть желание посвятить себя литературной деятельности.

Но здесь встречается новая беда, новое затруднение для них. Рамки нашей литературы слишком ограничены и узки. Вся русская мысль, стремящаяся выразиться периодически, должна по необходимости и во что бы то ни стало уложиться в строго определенные рамки ограниченного числа существующих газет и журналов; всякая мысль или должна приладиться к этим рамкам, сжать себя так, чтобы поместиться в них, или же должна бесплодно лежать в голове своего творца, тяготить его собою, стеснять и беспокоить, как все то, что просится наружу, но принужденно сдерживается и за- таивается. Понятно, что все это должно класть тяжелую печать однообразия и униформенности на умственное развитие, мешать выработке умственных своеобразностей и оригинальностей и вообще понижать уровень тех умственных сил, которые посвящают себя литературе, и отстранять от нее все самобытное, смелое и оригинальное. – К сожалению, сама периодическая пресса по собственной воле еще ухудшает это положение. Существовая на правах монополии и в силу некоторого рода привилегии, органы печати, несмотря на взаимную враждебность, составили из себя, может быть, совершенно бессознательно и неумышленно, какую-то привилегированную корпорацию, какую-то стачку монополистов, какой-то средневековый цех, ревниво охраняющий свои узкие интересы и не допускающий в свою среду ничего постороннего, не подходящего под традиционный уровень цеха и враждебного его корпоративным интересам. Без всяко-

го соглашения, а путем никем не тревожимой рутины, почти все органы прессы переплелись между собою, составили заколдованный круг, члены которого солидарны между собой в преследовании известных нелитературных целей, связаны многими неувольными нитями взаимной поддержки, кумовства и общих забот о недопущении в этот круг чего-нибудь такого, что могло бы взбудоражить его мирный покой, изменить его устоявшуюся рутину, в которой рука руку моет. В этот круг можно проникнуть не иначе, как подчинившись ему, принявши его догматы, имеющие мало общего с литературой, и давши обязательство не трогать его рутины. Все же свежее, оригинальное, все давящее его своим превосходством, своею твердостью, характером, режущее его глаза чем-нибудь выдающимся, с трудом может протискаться в этот заколдованный круг, относительно которого можно повторить приведенные выше слова, что у нас хотя и много говорят о крепких убеждениях, но мало ладят с людьми таких убеждений и не жалуют их даже в своих собственных кружках. Можно было бы привести несколько примеров в подтверждение этого; но мы воздержимся от этого, так как к этим примерам, как и ко всем отношениям, о которых мы говорим, примешиваются элементы не строго литературные. Но чтобы не быть голословными, мы приведем жалобу одной газеты на часть тех рутинных стеснений, которые мы указали, и притом газеты, которую нельзя заподозрить в пристрастном нерасположении к нынешнему состоянию перио-

дической прессы.

«Сколько теперь невозвратимых потерь несет русская мысль только оттого, что она вынуждена насильственно прилаживаться к существующему числу периодических изданий. Еще добро бы этих изданий было много, а то раз-два и обчелся. Честному писателю часто нет исхода: или молчи, или прикраивайся к тому изданию, у которого нет конкурента, в котором менее других находишь разногласия, обращайся в своего рода крепостного этого издания. Ф. М. Достоевский – один из оригинальнейших русских писателей. Что же удивительного, если, при нынешней ограниченности числа периодических изданий, ему приходилось тяжелее многих других литераторов? Редакция „Русского Вестника“ хочет сокращать и исправлять для эксплуатации в своих узких интересах; какое-нибудь „Дело“, прежде нежели напечатает роман г. Достоевского, захочет просветить автора в духе какого-нибудь заплечного мастера русских общественных вопросов, вроде г. Португалова или г. Никитина; другие редакции (какие же? жаль, что они не поименованы и им не сказано комплиментов, как „Делу“) не решаются поместить произведения г. Достоевского, не сопроводив его разными оговорками, одинаково неприятными и для них, и для писателя. При таких условиях г. Достоевский скорее и настойчивее многих других писателей должен был почувствовать необходимость найти исход из того прокрустова ложа, в которое мы вкладываем русскую мысль» («Голос», 1876, № 39).

Пожелаем же большего разнообразия прессе, пожелаем, чтобы побольше было журналов и газет, чтобы они улучшались взаимным воздействием, соревнованием и конкуренцией, чтобы между ними установилась солидарность в литературных видах, чтобы они поддерживали друг друга в оборонительной и наступательной войне против врагов литературы, а не против посягающих на литературную рутину и неподвижность.